

Constitutional justice: on some amendments to legislation

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-64-75

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the 2020 constitutional amendments on constitutional justice. Among them are provisions on the formation of the composition of the Constitutional Court of the Russian Federation, expanding its powers in terms of checking the compliance of the Constitution of the Russian Federation with draft laws, clarifying the competence on the issue of the possibility of executing decisions of interstate bodies (primarily the European Court of Human Rights), adjusting the institution of dissent judges of the Constitutional Court of the Russian Federation. Positive and critical considerations regarding the above constitutional amendments and the corresponding amendments to the federal constitutional law “On the Constitutional Court of the Russian Federation. In particular, concerns are expressed about ensuring the proper degree of democracy in the formation of the Court, guaranteeing its independence in cases where the provisions of a particular draft law have been previously assessed by him as complying with the norms of the Constitution of the Russian Federation, and subsequently he will have to consider complaints about the constitutionality of the same legal norms, the validity of the refusal of the public character of the dissenting opinion of the judges of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation; composition; interstate jurisdiction; execution of decisions; dissenting opinion of a judge

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor

Funding: Yaroslavl State University, project VIP-014

Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-64-75
УДК 342.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются конституционные поправки 2020 года о конституционном правосудии. Среди них – положения о формировании состава Конституционного Суда Российской Федерации, расширении его полномочий в части проверки на соответствие Конституции Российской Федерации законопроектов, об уточнении компетенции по вопросу о возможности исполнения решений межгосударственных органов (прежде всего – Европейского суда по правам человека), о корректировке института особого мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации. Обобщаются положительные и критические соображения относительно указанных конституционных поправок и соответствующих им изменений Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». В частности, высказываются опасения об обеспечении должной степени демократичности формирования Суда, о гарантированности его независимости в случаях, когда положения того или иного законопроекта им предварительно оценены как соответствующие нормативам Конституции Российской Федерации, а впоследствии ему же предстоит рассматривать жалобы на конституционность этих же правовых норм, об обоснованности отказа от публичного характера особого мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; состав; межгосударственная юрисдикция; исполнение решений; особое мнение судьи

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID 0000-0001-8827-5532 Кандидат юридических наук, профессор
-----------------------------	---

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-014

Правовая основа деятельности Конституционного Суда Российской Федерации подвергалась корректировке неоднократно, однако далеко не все изменения обсуждались юридическим сообществом столь эмоционально, как последние новеллы в ФКЗ «О конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ), конкретизировавшие положения соответствующих конституционных поправок 2020 года.

Так, неожиданно для многих был изменен количественный состав Суда – 11 судей вместо 19. В доктрине в этой связи было высказано несколько довольно резких суждений: не вполне ясен смысл превращения Суда в уютный «конституционный междусобойчик»; обычно, когда власть озабочена целью сформировать послушный состав суда, она старается его расширить, чтобы открыть в него дорогу своим сторонникам (так действовал президент США Рузвельт, дабы сломить саботаж Верховным судом своего «нового курса»; так, возможно, поступят демократы, в лице президента Байдена, ибо на данный момент, после дискуссионного утверждения Конгрессом кандидатуры Баррет на должность судьи Верховного суда, «ставленницы» президента Трампа, в означенном Суде превалирует консервативное (республиканское) правосознание – 6 против 3¹); в этой связи можно предположить, что избрана тактика «выжимания несогласных» (А. Н. Верещагин, В. Б. Румак) [1, с. 121–122].

В доктрине также высказываются и другие аргументы в контексте критики рассматриваемой новеллы. Сокращение численного состава, полагают некоторые авторы, во-первых, не соответствует логике расширения полномочий Суда; во-вторых, понижает уровень его компетентности «из-за «непредставительства» в нем судей – специалистов различных отраслей права (В. А. Кряжков) [2, с. 28–29].

В то же время количественный состав Конституционного Суда РФ в действующем варианте (19 судей) превышает соответствующие обыкновения: как правило, количество членов судов данного типа меньше – от 4 (Андорра), 9 (США) до 15 (Италия; по Конституции РСФСР – аналогично), 16 (ФРГ), 18 (Украина) и т. д. При этом следует учитывать различия в компетенциях конституционных (верховных) судов тех или иных государств (яркий пример – США) и подходах к решению о количественном и качественном их составе (например, в Италии действуют 15 ординарных и 16 неординарных членов Конституционного Суда – с существенно дифференцированными полномочиями). Таким образом, относительно изменения состава российского Конституционного Суда можно предположить не только версию об «изгнании несогласных», но и версию о соображении

¹ Это, впрочем, не помешало Верховному Суду США отвергнуть все попытки администрации и/или сторонников действующего президента (как бы республиканца) оспорить результаты президентских выборов.

ях разумной целесообразности. Другое дело, что представления о целесообразности могут быть (и обычно бывают) крайне субъективными...

Уточнены требования к возрасту судей, причем на дифференцированной основе – в зависимости от рядового членства или руководящих функций. В принципе, с одной стороны, это может быть оправдано: такова тенденция по возрастным позициям относительно руководителей высокого ранга в целом², соответственно соображения справедливости не исключаются и для Конституционного Суда РФ. С другой стороны, передача вопроса о кандидатуре Председателя Суда (и его заместителя) из сферы коллегиального решения самого Суда в ведение Совета Федерации (по представлению Президента), с возможностью продления полномочий Председателя без ограничения возраста, умаляет демократичность судебно-конституционного управления.

Одной из стратегических новелл является расширение полномочий Суда в части дачи заключения о конституционности законопроектов. Следует заметить, что подходы к данному решению имеют свою более чем 25-летнюю историю: дискуссии о нем прошли еще в процессе разработки ФКЗ от 21 июля 1994 года, но не привели к положительному заключению. В доктрине также отмечается, что потребность в подобном полномочии не была выявлена ни законотворческой, ни правоприменительной практикой (В. А. Кряжков) [2, с. 25]. И главное: предварительный нормоконтроль создает дисгармонию между ветвями власти и избыточно политизирует деятельность Конституционного Суда РФ. Кроме того, не исключается возникновение идеолого-правовой коллизии: если Суд по запросу Президента определился с законопроектом, гарантируется ли объективное рассмотрение последующих жалоб на предмет конституционности тех или иных его предписаний?...

Разумеется, стратегическим положением – как соответствующих конституционных поправок (п. 5.1. б) ст. 125), так и ФКЗ (гл. 13) – является правило об особенностях исполнения решений межгосударственных органов. Его рождению предшествовали явственные «родовые муки».

Первой «родовой схваткой» явилось дело «К. Маркин против Российской Федерации», в постановлении по которому Европейский суд по правам человека (7 октября 2010 г.) впервые подверг весьма жесткому сомнению решение Конституционного Суда РФ (определение № 187-0-0 от 15 января 2009 г.). Как известно, последний, рассматривая вопрос о приемлемости жалобы, определил: законодательство (ст. 11 ФЗ «О воинской обязанности») о предоставлении отпуска по уходу за ребенком только военнослужащим-женщинам не нарушает принципа гендерного равенства – в увязке

² Последние варианты западных (американских) образчиков это более чем подтверждают.

данного ограничения для военнослужащих-мужчин с конституционной нормой ст. 55 (о возможности ограничения федеральным законом прав и свобод граждан, если того требуют интересы обороноспособности российского государства)³.

Правовая позиция Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) вызвала весьма бурную реакцию в российских политических (вплоть до резко критических высказываний Д. А. Медведева, о ту пору Президента РФ) и конституционно-судейских кругах. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин подчеркнул: 1) решение российского Суда было принято с учетом как специфики воинской службы, так и особой социальной роли женщины (и эта констатация – не «гендерный предрассудок», а одна из основополагающих конституционных идей российского государства и солидарного с ним российского общества); 2) право на уважение семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) толкуется ЕСПЧ абстрактно и неоднозначно; Суд, не имея прямых прецедентов по рассматриваемому вопросу, применил свою правовую позицию, касающуюся увольнения из вооруженных сил гомосексуалистов, что вряд ли обосновано; 3) данная позиция ЕСПЧ и подобные ей «угрожают государственному суверенитету»; 4) Россия вправе выработать механизмы защиты от таких решений, осуществляющих «внешнее дирижирование» правовой ситуации в стране [4]⁴.

По сути, это был наиболее громкий «первый звонок», призвавший российскую юридическую доктрину уточнить (и даже систематизировать) подходы в вопросе силового соотношения правовых позиций означенных судов, а также актуализировать осмысление идеи об относительной, а не абсолютной универсальности конструкции прав человека, невозможности ее полного (глобализованного) восприятия исключительно на основе западных образцов (В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева) [7, с. 38–39].

Вторым звонком (по нашей предыдущей терминологии – второй «родовой схваткой») явилось несогласие ЕСПЧ с правовой позицией Конституционного Суда РФ по делу С. Анчугова и В. Гладкова (осужденных к лишению свободы: одного – за убийство, кражи и мошенничество, другого – за убийство, разбой, участие в организованной преступной группе), жаловавшихся на отказ в избирательном праве (ограничение, предусмотренное нормой ч. 3 ст. 32 Конституции РФ). ЕСПЧ в постановлении от 4 июля 2013 г. высказался в том смысле, что в Конвенции нет места

³ Заметим, на полях, что абсолютизация идеи гендерного равенства, нереализуема – и прежде всего по объективным причинам, к которым неизбежно добавляются социальные и политические аргументы (А. М. Лушников, М. В. Лушникова, Н. Н. Тарусина) [3].

⁴ Подробнее об см. в других трудах автора (Н. Н. Тарусина) [5, 6].

для автоматического лишения избирательного права и что должен соблюдаться принцип соразмерности наказания обстоятельствам дела, лишение избирательного права – избыточно суровая мера (если иметь в виду общее правило); необходимо внести изменения в российское законодательство, в том числе в Конституцию (!). В этой связи и по запросу Минюста РФ Конституционный Суд (постановление № 12-П от 19 апреля 2016 г.) сформулировал, на наш взгляд, весьма осторожное суждение: норма ст. 32 Конституции РФ не исключает возможности внесения изменений в федеральное законодательство – с целью отказа от автоматического лишения избирательных прав во всех случаях либо оптимизации системы наказаний – с уменьшением вариантов применения лишения свободы (без корректировки конституционной нормы)⁵. Подобная осторожность, возможно, свидетельствует об определенной степени готовности (на тот момент) российского государства к компромиссам с европейским сообществом, которая ко времени принятия рассматриваемой конституционной поправки существенным образом себя исчерпала.

Третьим звонком («родовой схваткой») явилось постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. по известной жалобе акционеров нефтяной компании «Юкос» о компенсации ущерба. Это «переполнило чашу терпения»⁶ – и Конституционный Суд РФ в постановлении № 21 от 14 июля 2015 г. выработал соответствующую правовую позицию: если постановления ЕСПЧ основаны на толковании Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к противоречиям с нормами Конституции РФ, они не могут быть исполнены. Данная позиция была незамедлительно закреплена в ФКЗ № 7 (декабрь 2015 г.)⁷. И впоследствии подтверждена конституционной поправкой.

Полагаем, что это – вынужденная, но необходимая мера: коль скоро не сочтено возможным затевать сложную процедуру внесения изменений в «неприкасаемые» главы (в том числе в ст. 15 гл. 1), а политических ошибок международно-правовой природы в известные периоды было совершено немало, приходится искать обходные (но разумные) технологии оптимизации разворачивания юридических событий, обусловленных ме-

⁵ Наше толкование, видимо, в рамках доступной нам степени профессионализма, предписания ч. 3 ст. 32 Конституции РФ такой возможности не предполагает. Следует заметить, что дополнительная аргументация содержится в особом мнении судьи Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцева, однако замечание, высказанное нами выше, относится и к данной позиции.

⁶ К тому времени российское государство уже находилось под всевозможными санкциями, динамично и упорно расширяющимися и по настоящее время. Это значительно охлаждало и охлаждает готовность к постоянным компромиссам.

⁷ Некоторые юристы считают подобную акцию избыточной, полагая достаточным фиксацию правовой позиции в постановлении Конституционного Суда РФ (В. М. Жуйков) [8, с. 124].

жгосударственными соглашениями. Следует также заметить, что, например, и ЕСПЧ иной раз посредством технологии широкого толкования «вытягивает» из конвенционных нормативов-деклараций положения, явным образом из них не вытекающие. Его критикуют (или превозносят – в зависимости от степени удовлетворенности/неудовлетворенности содержанием решения) за ярко выраженную способность, опираясь на теорию «динамической интерпретации», прочитать в одной статье Конвенции целый кодекс предписаний (М. В. Антокольская, Н. Н. Тарусина) [6, с. 261]. Конституционные суды ряда европейских стран периодически неохотно принимают к исполнению таковые акты толкования или же вовсе их игнорируют, если они не согласуются с принципиальными правовыми позициями национального законодательства⁸. В доктрине подчеркивается: готовность участников Конвенции следовать практике ЕСПЧ отнюдь не означает прецедентной от нее зависимости, ее общеобязательности и нормативности – собственное усмотрение, в том числе конституционно-судебное, абсолютно не исключается (Н. С. Бондарь) [9, с. 114–116], особенно в случаях выхода решений означенного Суда за пределы конвенционного толкования, тем более предмета ведения.

Не столь стратегической, но идеологически значимой является корректировка института особого мнения судьи Конституционного Суда. Как известно, конструкция особого мнения действует и в судах общей юрисдикции. Так, например, в гражданско-процессуальном пространстве данный институт развивался от модели полной закрытости к закрытости частичной (с вектором неопределенности юридико-практического значения): норма п. 2 ст. 15 ГПК РФ наделяет судью при постановке коллегиального решения изложить свое особое мнение, которое не оглашается, но приобщается к делу, при этом «особист» обязан подписать итоговый судебный документ (п. 2 ст. 197 ГПК РФ), а лица, участвующие в деле, в силу правила об ознакомлении с материалами судебного процесса (п. 1 ст. 35 ГПК РФ), узнать о факте и содержании автономной позиции одного из судей⁹.

Размышления о диссонансном характере рассматриваемого института в рамках российского судопроизводства, вследствие принадлежности российской правовой системы романо-германской правовой семье, встречались в доктрине задолго до его новейшего конституционно-правового реформирования, однако и с указанием на явственные исторические примеры данного явления, начиная с реформ Петра I (А. Н. Верещагин) [11, с. 13–14]. Причем, несмотря на англо-саксонскую правовую

⁸ Подробнее об см. в других наших публикациях [5, с. 225–228; 6, с. 259–260].

⁹ Именно так толкуют процессуалисты совокупное действие указанных нормативных положений (Н. Н. Тарусина) [10, с. 186].

природу, аналитики того времени оценивали его вполне положительно: особое мнение является выражением правовой позиции судьи на основе принципа независимости и способствует развитию юридической доктрины, законодательства и правоприменения (Д. А. Басангов) [12, с. 26]. Разумеется, суверенная судейская позиция, «опубличенная» одновременно с решением Конституционного Суда РФ, была весьма значима в силу высокой авторитетности членов указанного Суда. Следует также добавить, что соответствующие тексты являлись и являются важными (оригинальными, интересными, а иной раз – просто захватывающими) источниками образовательной информации¹⁰.

В принципе, сходной точки зрения придерживаются и современные критики корректировки рассматриваемого института – решения о выведении особого мнения судьи Конституционного Суда из публичного пространства, придания ему характера некоего архивного материала, приложения к судебному протоколу (ст. 76 ФКЗ) – с соответствующим запретом судье знакомить с содержанием данного текста юридическую и неюридическую общественность.

Наиболее ярко представлены взгляды по обсуждаемому вопросу в рубрике «Судьба особых мнений в России: новый поворот» журнала «Закон» [13, с. 19–33]. Рубрика открывается позицией А. А. Клишаса: 1) «вопреки расхожему мнению», изменение статуса особого мнения не нанесет удара по развитию права, что подтверждается европейской конституционно-судебной практикой; 2) в результате запрета публикации исключается несвойственная судьям роль лидеров общественного мнения; 3) публикация итогового решения без «оговорок» положительно скажется на авторитете решений Конституционного Суда РФ, общественном восприятии его правовых позиций; 4) для обмена же мнениями существует доктринальное юридическое пространство [13, с.19–20].

Солидарен с данным автором и Л. В. Головкин: 1) континентальная традиция, к которой принадлежит российская правовая система, основана на принципе неделимости судебного решения и ограничения разногласий по нему тайной совещательной комнаты; 2) в судах общей юрисдикции особое мнение адресуется вышестоящему суду в рамках возможного обжалования судебного акта, иначе обстоит дело с особыми мнениями судей Конституционного Суда РФ: они, в силу природы данного суда, не имеют адресата внутри системы; 3) американская традиция, в рассматриваемом контексте, видит в судье политически ангажированного субъекта, избранного или назначенного определенной политической силой;

¹⁰ Например, в течение многих лет означенные тексты анализируются автором и студентами в курсах «Семейное право» (бакалавриат), «Проблемы правоприменения по гражданским делам», «Социальная экспертиза российского законодательства» (магистратура).

4) первая традиция в последнее время подвергается давлению второй (как результат – особые мнения ЕСПЧ, различных судов восточно-европейских стран, соответствующие дискуссии во Франции; 5) российское право, будучи типичным образцом континентального правопорядка, испытывает значительное влияние американских правовых институтов – без осмысленного понимания их природы и предназначения, в том числе привлекает их и по конъюнктурным соображениям [13, с. 23–25].

Представляется, однако, что критиков рассматриваемой новеллы ФКЗ, в том числе среди высокоавторитетных юристов, несравнимо больше. Так, В. М. Жуйков подчеркивает: 1) данная новелла, не обусловленная конституционными поправками, носит «антитворческий характер»; особое мнение имеет индивидуальное значение – позволяет судье путем высказывания своей позиции «защитить свою профессиональную честь», а также значение общего характера, – дает возможность участникам судебного процесса, депутатам, судьям, ученым обогатить свое представление о различных аспектах спорной проблемы; 2) наличие вдумчивого, обоснованного особого мнения не умаляет, а, напротив, упрочивает репутацию Суда; 3) подобное ограничение независимости судей сковывает свободу действий Суда, вынуждает его «петь только хором и ходить только строем» [13, с. 22–23].

А. А. Иванов, опираясь на историю вопроса, отмечает, что негативное отношение к явлению особого мнения было характерно для советского времени, когда судья рассматривался в качестве госслужащего, а суд – выразителем воли господствующего класса; отказ от публичности данной конструкции (в ряду некоторых других явлений) – «яркий пример советизации нашего правосудия»; «единомыслие судебной системы означает, что она перестает быть отражением многообразия общественной жизни и превращается в способ воздействия монолита власти на общество» [13, с. 20–21].

В. В. Ярков обращает наше внимание на более приемлемую первоначальную редакцию проектной новеллы: полной изоляции особого мнения не предполагалось, оно должно было приобщаться к материалам дела с последующим размещением на официальном сайте Конституционного Суда РФ, что, с одной стороны, не создавало бы излишнего ажиотажа, с другой – позволяло бы с ним ознакомиться и участником процесса, и неопределенному кругу лиц [13, с. 25].

Е. В. Кудрявцева, констатируя распространенность конструкции в международных судах¹¹, внутренних судах различной юрисдикции, подчеркивает уникальность института особого мнения именно судьи

¹¹ О значимости конструкции особого мнения судей в международно-правовом пространстве см. также статью Т. Н. Нешатаевой [14, с. 68–84].

Конституционного Суда РФ: последнее, безусловно, оказывает положительное влияние на развитие и законодательства, и юридической науки. Автор солидаризируется с теми учеными, которые полагают, что преимуществ в информировании общественности об особом мнении судьи больше, чем недостатков. При этом Е. В. Кудрявцева демонстрирует, в противовес аргументам Л. В. Головки, факты распространенности обсуждаемого института в странах континентального права [13, с. 27–28].

В аналогичном ключе высказываются А. Н. Верещагин и В. Б. Румак: континентальная традиция – далеко не так монолитна, как это представляется некоторым; более того, замечают авторы, в российско-имперском правопорядке скрывать разногласия между судьями не было принято, например, результаты голосования и мнения сенаторов «бестрепетно фиксировались прямо в Полном собрании законов... И почему-то никому не приходило в голову, что это может подорвать авторитет судебных решений!» [1, с. 122].

Не исключено, что одним из поводов к отправке «в подполье» обсуждаемого института явился ряд особых мнений судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского. Первое («нашумевшее, как его именуют в юридической среде [1]) было заявлено к постановлению от 10.12.2019 № 39-П. Стилистика его текста, на наш взгляд, избыточно политизирована («Даже в условном юридическом смысле России незачем навлекать на свою государственную личность вину в советских репрессиях и замещать собою государство победоносного и павшего затем социализма»; «Российская Федерация не продолжает собою в праве, а заменяет на своей территории государство, незаконно однажды созданное, что и обязывает ее считаться с последствиями его деятельности, включая политические репрессии»), а отдельные суждения по содержанию явным образом выходят за пределы вопросов конкретного права, анализу коего посвящено постановление, устремляясь в пределы конституционности советской государственности и факта ее правопреемства государственностью российской.

На этом фоне весьма скромно выглядит второе особое мнение – к постановлению от 8 октября 2019 г. № 31-П, но и в его тексте есть над чем «повитийствовать»: «ценят не преподавание и не учебу, а учебно-методические комплексы», «субординация и отчетность под началом администраторов угнетает преподавание и науку...».

Имеются и другие тексты, весьма неординарные по стилю и содержанию (таки и справедливые). С одной стороны, это – безусловное право судьи и во многом – даже и правота. Если ознакомиться со стилистикой официальных документов разного уровня XIX в. и ранее, а также науч-

ной и учебной литературы по праву (см., например, указы Петра I, книги А. Боровиковского, Д. И. Мейера и многих других), то с этой «колокольни» стилистический и содержательный «набат» означенных судейских текстов уже не покажется необычным (избыточно оригинальным). Однако стилистика и контексты настоящего времени, к сожалению, иные. И с этим, видимо, необходимо считаться... Тем более что среди особых мнений судей известного ранга встречаются блистательные тексты (как по форме, так и по смыслу)¹², которые являются образцами для доктрины и юридического образования и основательными поводами для законодателей задуматься о необходимости проектирования нормативных изменений.

Следует также заметить, что конституционное правосудие постоянно находится между правом и политикой, однако при необходимом соблюдении чувства меры, «доктрины разумной сдержанности» – с вектором не на политизацию конституционно-правовой сферы, а на конституализацию политики (Н. С. Бондарь) [15, с. 28]. Данный фундаментальный тезис, ориентированный на конституционное правосудие в целом, справедлив и для той ее малой (и не регуляторной) части, которая представлена институтом особого мнения судьи Конституционного Суда РФ.

Подводя информационный итог по данному вопросу, заметим, что ориентация на усиление закрытости конституционного правосудия удручает и на интеллектуальном, и на эмоциональном уровне. Лишение юридической общественности информации об индивидуальных правовых позициях суперпрофессионалов обедняет и доктринальное, и законотворческое, и правоприменительное пространство. При этом ссылки на континентальные правовые традиции, в эпоху конвергенции, не вполне состоятельны – «чистоты рядов» давно уже нет. «Плач» об умалении судебного авторитета не разделяется многими юристами, ибо юриспруденция, в том числе и в высшем ее проявлении, есть концентрированное средоточие разности позиций, а неопределенность права в известном смысле признается благом (Н. Н. Тарусина) [16, с. 50–53]. Впрочем, высказанные сентенции относятся, к сожалению, уже к фактам истории, возможно поучительным.

Конституционные поправки, в том числе обсужденные в данном сочинении, состоялись и требуют неукоснительного исполнения, что, впрочем, не исключает их осмысления и критики (тем более критики тех изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые прямо из означенных поправок не вытекают).

¹² См., например, особые мнения судей Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, С. Д. Князева и др. Мы солидарны с мнением А. Т. Боннера о значимости и глубине ряда соответствующих текстов (автор, кстати, упомянул в этой связи в основном те же фамилии) [13, с. 26–27].

Ссылки

1. Верещагин А. Н., Румак В. Б. Унылая пора // Закон. 2020. № 10. С. 120–128.
2. Кряжков В. А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–29.
3. Лушников А. М., Лушникова М. В. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.
4. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.
5. Тарусина Н. Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011. 288 с.
6. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
7. Карташкин В. А., Лукашева Е. А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45.
8. Жуйков В. М. Российское законодательство и международное право: проблемы взаимодействия на основе Конституции Российской Федерации // Закон. 2020. № 3. С. 115–125.
9. Бондарь Н. С. Конвенциональная юрисдикция Европейского Суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 113–127.
10. Бутнев В. В., Тарусина Н. Н. Очерки по теории гражданского процесса. М.: Проспект, 2015. 240 с.
11. Верещагин А. Н. Особые мнения в российских судах // Государство и право. 2008. № 2. С. 13–23.
12. Басангов Д. А. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 24–34.
13. Судьба особых мнений в России: новый поворот // Закон. 2020. № 10. С. 19–33.
14. Нешатаева Т. Н. Особое мнение как точка равновесия между интернационализмом и этатизмом // Российское правосудие. 2018. № 11. С. 68–84.
15. Бондарь Н. С. Конституционный Суд в системе юрисдикционных органов (о «богоугодных грехах» конституционного правосудия) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 26–32.
16. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности» // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 50–53.